

XX век в зеркале геополитики

Армянский научно-исследовательский институт
научно-технической информации и технико-
экономических исследований
(АрмНИИНТИ)
Республиканская научно-техническая библиотека
(РНТБ)

Ереван 1998

**Автор: Н. Л. Хачатрян
Научный руководитель:
к.т.н. Р. В. Арутюнян**

В обзоре рассматривается геополитическая структура мира.

Приведены сведения об основных противоречиях послевоенного мира, приведших к холодной войне. Проведен анализ последствий расширения НАТО на восток и рассмотрены роль и место России и стран-членов СНГ в новом мировом порядке.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ АРМНИИНИТИ, РНТБ	
N	Наименование издания
1.	Инвестируйте в экономику Армении. Справочник (англ.)
2.	Объективные факторы для инвестирования в экономику РА. Справочник (русск., англ.)
3.	Информация о предприятиях, приватизированных в виде акционерных обществ открытого типа. 1995, 1996, 1997 гг. (арм., русск., англ.)
4.	Арутюнова Э. Д., Арутюнян Р. В. Бытовые фильтры для доочистки питьевой воды. Аналитический обзор
5.	Геворкян Р. Г. Прогнозная оценка офиолитовой ассоциации на алмаз. Аналитический обзор
6.	Арутюнян Р. В., Саркисян А. П. Основные тенденции в развитии мирового энергетического хозяйства. Аналитический обзор
7.	Лалаян Ж. Е. Утилизация, переработка и хранение радиоактивных отходов. Обзор
8.	Арутюнова Э. Д., Арутюнян Р. В. Пастеризация молока в условиях мелкого хозяйственника-фермера. Информационный обзор
9.	Хачатрян Н. Л., Арутюнян Р. В. XX век в зеркале геополитики. Аналитический обзор
10.	Мелоян В., Арутюнян Р. В. Раскрывая завесу над колокольным звоном. Обзор
11.	Арутюнян Р. В. Российские производства черных и цветных металлов. Информационный обзор
12.	Арутюнян Р. В. Индустрия гражданской авиации. Обзор
13.	Рак можно победить, но нужно обязательно верить в победу
14.	Հայ զինվորի գրադարան. Մատենաշար, թողարկումներ թիվ 1-12 Թիվ 1 - Հոգեբանությունը և զինվորը Թիվ 2 - Տարածաշրջանի հարնաների մոտ Թիվ 3 - Գիտության և տեխնիկայի նորույթներ. Լրատվական գենքը XXI դարի զենքն է: Միջուկային վառելիքի վերամշակումը ֆրանսիական եղանակով Թիվ 4 - Մարտական ուղղաթիռներ Թիվ 5 - Աշխարհաքաղաքական ռազմավարություն Թիվ 6 - Ռուսաստանի ռազմաարդյունաբերական համալիրը Թիվ 7 - Իրական է, արդյոք, ՉԹՕ-ների ֆենոմենը Թիվ 8 - Արյունաբերության պաշտպանական ձյուղերը Թիվ 1(9) - Ճրե զմբեթ: «Շիլկա» Թիվ 2(10) - Ռուսաստանի ինքնազնաց հրետանային կայանքները Թիվ 3(11) - Դինամիկ պաշտպանությամբ սարքավորված տանկերի դեմ պայքարի եղանակները Թիվ 4(12) - Ես հավատում եմ մեր հայրենիքի նոր թոփչին: Պատերազմ և արդի միջազգային հակամարտությունը
15.	Иванова Е. А., Арутюнян Р. В. Технология и оборудование первичной обработки шерсти. Информационный обзор
16.	Бутейко В. К., Бутейко М. М. Дыхание по Бутейко. Методическое пособие для обучающихся методу волевой ликвидации глубокого дыхания

ВВЕДЕНИЕ

Геополитика - это система взглядов на изменение мироустройства (т.е. - политической карты мира, баланса сил, структуры межгосударственных отношений, рынков сбыта, источников сырья и т.д.) и практическая реализация этого изменения на базе географических факторов.

В рамках данного определения, войны - основной инструмент геополитики. И Первая и Вторая мировые войны являлись типичными средствами реализации глобальных геополитических проектов.

Ситуация после Второй мировой войны кардинальным образом изменилась. Мировые противоборствующие центры получили в свои арсеналы ядерное оружие - оружие уничтожения не только противника, но и самих себя, что и обусловило сдерживание широкого применения боевых средств в решении возникающих конфликтов.

Ядерное противостояние двух блоков - холодная война - продемонстрировало с восточной стороны ограниченность существующих механизмов управления, в частности, экономических, а с западной - невозможность достижения поставленных целей используемыми методами холодной войны, - накопленные противоречия требовали разрешения. Запад нашел выход из ситуации через новые формы ведения военных действий, которые расширили инструмент геополитики. В частности, типичным инструментом ведения военных действий стали экономическая экспансия на рынок противника, его экономическая блокада, причем не обязательно официально объявленная.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИРА

Основные школы геополитики сходятся в одном - в описании геополитической структуры мира. Мировой остров Маккинлера (Хальфорд Маккиндер - английский географ начала XX века), который после открытия Суэцкого канала несколько изменил свою конфигурацию, в их построениях по-прежнему главное и наиболее выгодное географическое место на планете, поэтому, тот, кто господствует в Евразии, контролирует судьбы мира.

Ядром Мирового острова является его осевой регион - Хартленд, - северная и центральная части Евразийского континента, окруженные зоной буферных государств Западной Европы, странами Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и Восточной Сибирию. В различных построениях Тибет, Монголия и Центральная Европа включаются или не включаются в Хартленд.

Вокруг этой сухопутной зоны, от Скандинавии до Японии, между Евразийским и двумя южными континентами проходит великий морской путь, включающий Балтийское, Северное и окраинные моря Западной Европы. Через европейское Средиземноморье, Красное море и азиатское Средиземноморье, прибрежные моря Дальнего Востока, он пролегает Восточно-Китайским и Японским морем в Охотское.

Береговая полоса вдоль этого великого морского пути выделяется в особый геополитический регион - Евразийский Римленд.

Согласно самому удачному представителю геополитической школы океанологического цикла Н. Спайкмену, ключ к контролю над миром не Хартленд, а точнее евразийский пояс прибрежных территорий.

"Кто контролирует Римленд, господствует над Евразией; кто господствует над Евразией - контролирует судьбы мира". Геополитическая задача и вся современная стратегия США и их союзников - взять под контроль Евразийский Римленд.

Современная геополитика оперирует представлениями о Восточном и Западном геостратегических регионах мира, включая в них геополитические регионы(1).

Геополитическое положение России определяет специфику ее евразийской стратегической позиции.

Россия, со стратегической точки зрения, представляет собой гигантскую континентальную массу, которая отождествляется с самой Евразией. После освоения Сибири и ее интеграции Россия однозначно отождествлялась с геополитическим понятием "Heartland", т.е. "центральной земли" континента.

Географически, культурно и религиозно Россия является синтетическим единением евразийского Запада и евразийского Востока, причем ее геополитическая функция не сводится к суммированию западных и восточных тенденций. Россия - это нечто самостоятельное, ни Восток и ни Запад. С чисто стратегической точки зрения Россия тождественна самой Евразии хотя бы потому, что ее земли, население и индустриально-технологическое развитие обладают достаточным объемом для того, чтобы стать базой континентальной независимости и служить основой для полной континентальной интеграции (2).

Однако от существовавшего в 70-е годы двуполюсного мира сегодня остался лишь Западный геостратегический регион - атлантическая Европа, США, Океания. Географический регион из русского Хартленда, Восточной Европы и восточно-азиатской континентальной части, являющейся в недалеком прошлом силовой осью евразийского континентального мира, в силу абсолютной его политической

разобщенности и отсутствия согласованного контроля над геополитическими узлами региона с его стратегическими путями и выходами к великому морскому пути претендовать на роль геостратегического региона в настоящее время не может. Лишь осознанная политика способна превратить этот географический регион в геополитический.

Республики бывшего Советского Союза находятся в состоянии нестабильности, раздора и территориальных разногласий: между Россией и Украиной из-за Крыма, Украиной и Молдавской вокруг части территории Черновицкой и Одесской областей Украины и северных областей Молдовы; Украиной и Чехией, уже сегодня требующей возвращения части прикарпатских земель; возможно возникновение территориальных споров между Литвой, Белоруссией и Польшей по поводу Вильнюсского края.

Происхождение события – удобный предлог для развязания широкомасштабной войны в регионах. При этом очевидно, что большинство славянских государств Европы, кроме Югославии и Белоруссии, в своей военно-политической деятельности будут ориентироваться на западные страны.

Большая часть всех региональных геополитических баз, стоящих в недавнем прошлом на защите бывшего СССР, - Арктические моря, Приморье, перевалы Средней Азии, акватории Чёрного и Средиземного морей, Балканы, Центральная Европа, Балтика - сегодня используются в ущерб ему.

Интервенционистская политика Н. Спайкмена, взятая на вооружение американцами, есть не что иное, как новая форма ведения военных действий, но другими методами.

Притязания США на мировое господство выражены в 8-ом принципе консерватизма из внешнеполитического проекта Фонда Наследия: "Суверенитет – это величайшая гарантия свободы Америки. Ни одна организация, включая ООН, не должна обладать правом вето на суверенные решения правительства США. Любые внешнеполитические акции, соответствующие национальным интересам США, включая применение военной силы, необходимо предпринимать независимо от того, одобряет их ООН или нет. Вполне достаточным их обоснованием является защита американской свободы".

Можно было бы сослаться на негосударственный статус этого фонда, но и в Стратегии национальной безопасности – официальном документе США – изложены те же принципы.

Заметим, что доступ к природным ресурсам других стран лежит в сфере национальных интересов США, войска которых должны быть размещены даже в мирное время в ключевых регионах для продвижения стратегических интересов (1).

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЧИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА

Ситуация в лагере западных демократий после окончания второй мировой войны стабильностью не отличалась: шла жестокая борьба между США и Великобританией. США, традиционно негативно относившиеся к колониальным империям (что нашло свое отражение в Атлантической хартии), исходили из того, что теперь должна произойти самопроизвольная дестабилизация внутреннего положения в зависимых странах, что неизбежно вело к краху Британской и Французской колониальных империй и исключению их из числа самостоятельных "игроков" за мировую гегемонию.

Франция, хотя и была крайне ослаблена в ходе войны, все же оставалась великой державой. Однако американцы всерьез опасались великодержавных амбиций де Голля и всячески стремились вытеснить голлистов из политической элиты Франции.

Послевоенная реальность оказалась для США куда менее приятной, нежели они предполагали. Рухнули надежды на то, что Великобритания согласится на роль младшего партнера и откроет для США двери своей сферы влияния, дав им возможность закрепиться в ключевых ее точках. Притязания США были сформированы достаточно откровенно: Суэц, Гибралтар, Сингапур, Фолклендские о-ва. Успех США однозначно низводил Великобританию до уровня вспомогательной силы в geopolитической игре. США избрали тактику искусственной осторожной дестабилизации британских позиций, в том числе используя антитрадиционистски настроенных деятелей национально-освободительных движений, включая и сотрудничавших с гитлеровцами.

Главной ареной противоборства США и Великобритании был Ближний Восток (опорами британского "периметра обороны" там были зона Суэцкого канала, Иран, Йемен и мандатная территория Палестины). США стремились расширить свое экономическое присутствие, распространявшееся до того лишь на Саудовскую Аравию, потеснив англичан и французов в Египте, Сирии и Ираке, а затем трансформировать его в военно-политическое, поскольку значение ближневосточной нефти как инструмента стратегии хорошо осознавалось в США еще в начале 40-х годов.

Один из наиболее острых эпизодов американо-британского противоборства на Ближнем Востоке был связан с действиями США в вопросе о будущем Палестины, где Вашингтон поддержал еврейских переселенцев, сражавшихся против британских колониальных властей. Кульминацией борьбы за Палестину стало обсуждение вопроса о ее разделе в ООН. Отвергнув советскую инициативу о единой федеративной Палестине и идею многонационального мандата, США методами неприкрытого давления навязали резолюцию о разделе Палестины по абсолютно искусственным границам, что закладывало долгосрочную "мину" под весь Ближний Восток. Стратегическая опасность такого шага понималась американцами, т.к. для США было важно сохранить дружественные отношения с арабскими странами, однако антиарабские соображения оказались сильнее.

Помимо Палестины на Ближнем Востоке возникли еще несколько очагов англо-американского противоборства. В 1947-1949гг. развернулась ожесточенная борьба вокруг строительства трансаравийского нефтепровода через территорию Сирии, которая сопровождалась государственными переворотами (трех за два года) и завершилась приходом к власти в Сирии американского ставленника, при котором и было получено окончательное разрешение на строительство.

Наибольших успехов США достигли в Саудовской Аравии, где вытеснение британского капитала началось еще в 30-х годах. Контролируемая США компания АРАМКО нарушила соглашение о разделе сфер влияния с англичанами и смогла стать практически полным монополистом в нефтедобыче.

Однако даже столь чувствительные удары не привели к полной утрате Великобританией своих позиций на Ближнем Востоке. Этому способствовало то, что значительная часть лидеров национально-освободительного движения, сотрудничающая с гитлеровцами в надежде получить от них помощь в борьбе за независимость, была репрессирована после победы союзников. Это прежде всего касалось Ирака.

В Египте оппозиция также была существенно "придавлена".

Укрепление в конце 40-х годов британских позиций на Ближнем Востоке было также связано с поддержкой Лондоном антиизраильской политики арабских стран. К 1952г. американский капитал был вытеснен из Катара и Договорного Омана, а утрата английскими нефтяными компаниями Саудовской Аравии была компенсирована усилением позиций в Ираке, Кувейте и, отчасти, в Иране.

В целом Великобритания в первые послевоенные годы не допустила обвального крушения своих позиций на Ближнем Востоке, что позволило ей оставаться мировой державой по крайней мере до начала 50-х годов. Характерно, что за исключением Суэца, все те стратегические пункты, на которые претендовали США, в настоящее время находятся под ее контролем.

Реальным полем битвы между США и Великобританией оставался и Китай. Главным союзником США в борьбе против попыток Лондона оговорить условия внешней экспансии в Китай оказался Сталин, который поддержал выдвинутую США стратегию "открытых дверей", хотя и пытался, противореча сам себе, оставить за собой исключительные права на КВЖД и Далянь.

Логика событий объективно ставила перед Вашингтоном задачу формирования ситуации, в которой страны Запада (и прежде всего Великобритания) согласились бы на военно-политическую гегемонию США в мире и признание их особого экономического и политического статуса. Достигнуть этого можно было бы только за счет появления на мировой арене общего врага, перед лицом которого все остальные противоречия отходили бы на второй план. Таким врагом мог быть только Советский Союз.

Попытаемся теперь понять, чем же руководствовался, принимая те или иные геополитические решения, отражавшиеся на ситуации во всем мире, другой участник событий - сталинский Советский Союз. Можно с уверенностью констатировать, что у него имелась достаточно четкая внешнеполитическая логика, основанная на признании таких геополитических принципов, как неприкосновенность сфер влияния и использование военной силы в качестве последнего средства внешней политики.

Считается, что одним из истоков холодной войны явилось столкновение СССР и Запада (прежде всего США) в Восточной Европе, которое привело к советской оккупации этих стран. Несомненно, геополитическая логика Сталина была в значительной мере логикой жандарма Европы, как это и предполагалось ялтинской договоренностью. Однако неожиданностью для капиталистического мира было то, что "жандарм" с самого начала взял курс не на политическое давление, а на капиталистическую эксплуатацию оккупированных им в ходе войны стран Восточной Европы, и первоочередное внимание уделял не столько политическим, сколько экономическим аспектам своего в них присутствия.

Классический образец подобного подхода - советско-венгерские экономические соглашения, предусматривавшие, что прибыль предприятий, в которых доля СССР превышала 50%, вывозилась в СССР беспрепятственно, а там, где она составляла менее 50%, инвестировалась в экономику Венгрии по усмотрению СССР. Венгрия должна была в течение четырех лет после заключения соглашений экспорттировать в СССР товары на сумму 15 млн. долл. (28% общего экспорта Венгрии). Особое внимание проявлялось Москвой к совместным советско-венгерским нефтеперерабатывающей и авиатранспортной компаниям. В случае полной реализации этого соглашения Венгрия в короткие сроки превратилась бы в экономический протекторат Советского Союза, причем это было бы достигнуто без всякого применения военной силы.

Схожая ситуация складывалась в Румынии, где СССР затребовал себе долю акций немецких компаний в совместных предприятиях, а передача немецкой части акций в румынской нефтедобывающей промышленности в собственность совместной советско-румынской компании была далее включена в двусторонний договор, что особенно раздражало США. Однако Вашингтон не мог предъявить Сталину жесткие претензии по этому поводу, поскольку данная политика ничем существенно не отличалась от той, какую вели США в Западной Германии.

Можно предположить, что реальной стратегической целью экспансии СССР в Восточную Европу была попытка создать систему неколониалистической эксплуатации этих стран, в результате чего возникла бы своеобразная экономическая модель, при которой абсолютно капиталистический рыночный подход к Восточной Европе служил бы средством внешней подпитки и послевоенного восстановления социалистической экономики СССР.

Однако действия Москвы интерпретировались американским руководством как стремление к политической гегемонии.

Читая архивные документы, нельзя отделаться от впечатления, что по некоторым весьма чувствительным для СССР политическим восточноевропейским вопросам США вели себя достаточно грубо и провокационно. Например, в ходе переговоров по Польше в апреле 1945 года Г. Трумэн в весьма жесткой и категоричной форме потребовал от В. Молотова полного принятия американской позиции по вопросу о составе нового польского правительства, которое должно было включать ряд эмигрантских лидеров, открыто враждебных СССР. Вопрос ставился так: или безоговорочное принятие американских условий, или политическое столкновение с США, причем Трумэн угрожал исключить СССР из создаваемой ООН.

Удивительно, что Stalin оказался восприимчив к давлению и эту его позицию можно объяснить только двумя причинами: во-первых, стремлением избежать любого столкновения с Западом, даже по поводу своей сферы влияния, а во-вторых, тем, что Восточная Европа в политическом плане не рассматривалась как важнейший регион: там можно было пойти на существенные уступки, сохраняя те рычаги влияния, которые позволяли бы предотвращать открыто недружественную политику этих стран и продолжать их экономическую эксплуатацию.

В целом ситуация в Восточной Европе в первые послевоенные годы была достаточно стабильна и, несмотря на определенные противоречия между СССР и США, не давала поводов для жесткой конфронтации. Вернее, противоречий в Восточной Европе было явно недостаточно для отказа от политики конструктивного взаимодействия.

Проблемой в тогдашних советско-американских отношениях было то, что советская сфера влияния в понимании Сталина была несколько шире предусмотренной ялтинскими и тегеранскими соглашениями и включала помимо Восточной Европы Средний Восток, Балканы и Маньчжурию.

Одним из центральных пунктов геополитических претензий Сталина был, по-видимому, Иран, представлявший собой в первые послевоенные годы достаточно слабое и внутренне раздробленное государство и бывший в этом качестве перспективным объектом экспансии. Задача экспансии облегчалась англо-американскими противоречиями по Ирану и отсутствием у иранского правительства существенной военной мощи.

Как следует из имеющихся документов, "иранский кризис" был связан не только со стремлением СССР прорваться в Персидский залив и далее к Индийскому океану. Реальные цели СССР состояли в том, чтобы используя наличие в северных регионах Ирана советских войск добиться расчленения Ирана и

выделения из него районов Иранского Азербайджана и Курдистана, контролируемых просоветскими элементами и стремившихся получить автономии от Тегерана.

Действия Москвы на другом участке советской сферы влияния - на Балканах - были еще менее агрессивны. Stalin и в этом вопросе проявлял заметную осторожность, ограничиваясь скромной финансовой поддержкой и передачей греческим коммунистам некоторого количества трофеиной германской боевой техники. Очевидно, он понимал, что наличие в Греции советского вооружения сделало бы участие СССР в попытке расшатать британскую сферу влияния слишком явным.

Что касается Турции, то реальные претензии Сталина и Молотова были гораздо скромнее: их вполне устраивал вариант "финляндизации", что, учитывая двойственную позицию Турции во время войны, было вполне реально, а также пересмотр Конвенции Монте (1936г.), ограничивавшей право прохода военных кораблей через черноморские проливы.

Противоположная ситуация складывалась на Ближнем Востоке, который в целом оставался за пределами интересов кремлевского руководства, хотя СССР в годы войны и предпринял попытку создать себе в этом регионе определенный плацдарм, запросив у США согласия на передачу в мандатное управление Триполитании - бывшей итальянской колонии. США признавали важность этого региона для жизненных интересов СССР, поскольку именно оттуда могли быть нанесены авиационные удары по советским объектам в районе Кавказа, слабо прикрытым системой ПВО.

Но в целом поведение СССР на Ближнем Востоке можно охарактеризовать как вялое. Видимо, Stalin считал его поделенным и не видел возможности вклиниваться, хотя выдвинутая советской дипломатией в первые послевоенные годы идея создания федеративной Палестины была нацелена на получение хоть какого-то плацдарма.

На Дальнем Востоке геополитические амбиции Сталина были достаточно скромны и ограничивались получением концессий на КВЖД, порт Далянь и признанием особого статуса Маньчжурии. Однако США возражали против двух основных моментов в советской политике: 1) дальнейшего расширения зоны оккупации и контроля в Китае за пределы, оговоренные в Ялте, с полным включением в нее порта Далянь (над которым СССР стремился получить полный контроль) и 2) активного использования Советским Союзом Монголии для проникновения в регион.

Военные возможности и реальные планы Сталина на Дальнем Востоке не были секретом для США, которые фактически признавали наличие жизненных интересов СССР в регионе в целом. В рассуждениях А. Гарримана о приоритетах СССР на Дальнем Востоке прямо говорится: "Китай... в случае развития в определенном направлении может через одно-два поколения возникнуть как крупнейшая... угроза Советскому Союзу на Евразийском континенте". Stalin также неоднократно выражал опасения относительно ремилитаризации Японии и того, что она в будущем может стать реальной угрозой общемировой стабильности.

Однако, верховный главнокомандующий генерал Макартур относился к советским представителям в союзнической компании по Японии как к чисто декоративным фигурам, что уязвляло московское руководство.

В значительно большей мере отношения обострились, когда США затребовали, чтобы им предоставили военно-воздушную базу на Курильских

островах, что выходило не только за рамки ялтинских и тегеранских договоренностей, но и за рамки дозволенного во взаимоотношениях СССР и США.

Итак, несомненно, что к 1948 году ялтинско-тегеранская договоренность, которая рассматривалась как основа будущего миростроительства, оказалась на грани краха.

Во-первых, она не учитывала динамики ситуаций и возникших уже после окончания войны геополитических реалий, в частности того, что СССР так далеко продвинется вглубь Европы.

Во-вторых, ялтинская система раздела мира в интерпретации США ставила Лондон в положение их младшего партнера, тогда как Британская империя в конце 40-х годов все еще была весьма сильным государством, способным на проведение самостоятельной внешней политики.

В-третьих, данные договоренности основывались на попытках согласовать геополитику с идеологическими постулатами. Холодная война была столкновением различных представлений о мире: геополитического подхода, для которого характерны разделение Европы и мира и какого-то нового подхода, характеризующегося такой позицией Запада, при которой, считая свои сферы влияния неприкословенными и жестко реагируя на попытки СССР и друг друга вклинившись в них, страны Запада отнюдь не считали неприкословенной советскую сферу влияния. Такая практика провоцировала столкновения двух доминирующих сил.

Таким образом, к концу 40-х годов сформировались два основных узла противоречий на международной арене, определявших общую геополитическую обстановку:

1. Противоречия глобального масштаба между США и Великобританией, связанные с борьбой за геополитическую гегемонию в западном мире.
2. Геополитические противоречия между СССР и Западом, прежде всего с США. Основной причиной этой коллизии было нежелание США признать де-факто оформленное расширение советской сферы влияния в Европе и ее политическую и экономическую неприкословенность.

К 1947 году возникли достаточно острые советско-американские противоречия на следующих направлениях:

1) Иран, где и СССР и США вели борьбу за вытеснение Великобритании. Столкновение интересов сторон в Иране было основным и наиболее жестким, ибо СССР пытался изменить территориально-геополитическое устройство региона. Можно констатировать, что именно здесь закладывались основы холодной войны;

2) Противоречия СССР и США в Восточной Европе, отнюдь не столь напряженные, соответствовали второстепенной геополитической роли данного региона;

3) Наименее жесткие противоречия между СССР и США имелись на Дальнем Востоке, где главной целью СССР было достижение контролируемости и невраждебности Китая и Японии. Основой противоречия было различие в оценках степени проникновения СССР в Китай и нежелание США допустить Москву к полномасштабному участию в решении послевоенной судьбы Японии (3).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАЧАЛА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Необходимо рассмотреть еще два важных вопроса: содержание и специфику подходов СССР и США к вопросам взаимного сотрудничества в первые послевоенные годы и проблему самого поворота СССР и США к холодной войне.

В американских правящих кругах господствовало убеждение, что мир и устойчивый правопорядок в выгодной для США конфигурации возможны лишь в условиях всемирного и беспрепятственного развития международного экономического сотрудничества. Они полагали, что должным образом функционирующая система мировой торговли будет способствовать росту взаимозависимости между народами. Особое внимание уделялось вопросам функционирования мировой экономики и выработки определенных механизмов, препятствующих перерастанию внутренних экономических кризисов в неконтролируемые военно-политические столкновения.

Американская правящая элита видела в СССР важный компонент послевоенной системы политической и экономической безопасности и рассчитывала на активное сотрудничество в дни мира.

В США справедливо считали, что значительный кредит мог бы помочь послевоенному восстановлению советской экономики. В своем меморандуме президенту Ф. Рузвельту министр финансов Г. Моргентау выдвинул предложение о предоставлении СССР целевого займа размером 10 млрд. долл. под 2% годовых с амортизацией на период 35 лет, который был бы использован на закупку товаров США.

Однако официальные подходы к проблеме торгово-экономического сотрудничества с СССР оставались достаточно двойственными. Например, в телеграмме гос. секретарю о предоставлении СССР американского кредита, посол США в СССР А. Гарриман писал: "Я убежден в том, что мы должны сделать все возможное, чтобы посредством кредитов помочь Советскому Союзу в развитии здоровой экономики". В той же телеграмме говорилось, однако, и другое: "Вопрос о кредите должен быть увязан с нашими общими дипломатическими отношениями с Советским Союзом, и в подходящее время русским надо дать понять, что наша готовность искренне сотрудничать с ними в решении их проблем восстановления будет зависеть от их поведения на международной арене".

Таким образом, не возражая в принципе против советско-американского торгово-экономического сотрудничества, Гарриман выступал за его увязку с уступками Москвы в некоторых важных для американской дипломатии областях.

Такой подход мог быть в основном приемлемым для СССР, разумеется, на определенных условиях. Если Сталин еще мог смириться с катастрофическими для компартий результатами выборов, прошедших в 1945-1946 гг. в Венгрии, Чехословакии и оккупационных зонах Германии, то согласиться беспрепятственно допустить в ту же Чехословакию или Румынию американский бизнес, использовавший для достижения своих целей экономические рычаги, более эффективные, нежели политическое давление Москвы, означало бы потерю этих стран.

Кремль был готов и к некоторым политическим уступкам, т. к. экономическая помощь Запада была предпочтительней для Москвы, чем выколачивание reparаций из занятых Советской армией не слишком богатых государств Восточной Европы, при том, разумеется, что СССР сохранял бы за собой часть

собственности в Восточной Европе и, таким образом, все равно имел бы достаточные экономические рычаги контроля.

США в свою очередь выдвинули ряд условий политического и экономического характера, большая часть которых была вполне приемлемой для Москвы, однако наиболее деликатное из них - выработка общей экономической политики в Европе - подразумевало согласие на экономическое "открытие" стран Восточной Европы. Это могло быть возможным в случае определенных уступок со стороны Запада, таких, например, как согласие США на участие СССР в экономике стран Западной Европы, и прежде всего Германии, и удовлетворение претензий Москвы на определенное политическое влияние в этих странах; признание Западом политических интересов Москвы в Восточной Европе; учет интересов Москвы при выработке форм и конкретных аспектов участия стран Восточной Европы в проектировавшемся "плане Маршалла". Это последнее требование стояло на повестке дня в любом случае, т.к. в Москве явно опасались, что "план Маршалла" приведет к экономическому, а затем и политическому отрыву стран Восточной Европы от советской "сферы влияния".

Однако, когда в середине 1947 года стало ясно, что Москва не будет участвовать в "плане Маршалла", были окончательно утеряны те рычаги экономического влияния на внешнюю политику Кремля, которые еще оставались у США. В Москве пришли к выводу, что США не хотят оказывать экономического содействия Советскому Союзу в решении его проблем ни в виде репараций с побежденной Германией, ни в виде помощи из самих США. Результатом этого было ужесточение советского контроля над странами Восточной и Центральной Европы.

Таким образом, поворот к взаимной конфронтации, вызвавшей начало холодной войны, был следствием трех причин.

Во-первых, достаточно некорректное поведение Вашингтона по внедрению "плана Маршалла" в Восточной Европе. В данном случае США действовали в духе концепции "открытых дверей", осуществляя неприкрытую экономическую экспансию, не желавшую учитывать советские интересы в данном регионе.

Во-вторых, события в Югославии, которые создали прецедент невоенного отрыва от советской "сферы влияния" геополитически важной страны, при том, что для этого западным странам не понадобилась даже смена коммунистического руководства. Именно это обстоятельство было для Москвы наиболее чувствительным: если такой трюк американцам удалось провернуть с правоверным коммунистом, то чего же можно ожидать от социал-демократов, доминировавших в правительстве стран Восточной Европы.

Третьим обстоятельством оказались события, происходившие весьма далеко от Европы (и тем самым опровергающие мнение о том, что холодная война выросла из европейской политики), а именно в Китае, где маоисты в одночасье сменили режим Чан Кай Ши и сделали Китай, до того рассматривавшийся как объект внешней экспансии, одним из основных игроков в мировой политике, причем с явной претензией на экспансию.

Сталин явно не рассчитывал, что столкнется с единым антисоветским фронтом стран Запада. Это стало следствием его ключевой и принципиальной геополитической ошибки относительно глубины англо-американских противоречий. Можно предположить, что советский лидер посчитал, будто развал и внутренние противоречия в стане Запада настолько сильны, что можно будет, играя на противоречиях между Лондоном и Вашингтоном, расширить сферу влияния более жесткими методами.

Сталин также явно не учел и того, что они с Трумэном, стремившимся найти консолидирующий элемент, который заставил бы Великобританию согласиться с американской гегемонией, двигались как бы на встречных курсах, что и обусловило неизбежность "столкновения".

В результате разразился восточноевропейский кризис, который еще в 1946-1947гг. можно было решить в течение месяца за счет обоюдных уступок, а в 1948-1949гг. он стал началом грандиозной конфронтации сверхдержав, определившей направление мировой политики в течение последующих 45 лет(4).

ОДНОПОЛЮСНЫЙ МИР: РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Как бы ни спорили между собой сторонники концепций многополярности и однополярности современного мира - мир этот, как ни прискорбно это осознавать,- однополярен, т.к. на сегодня лишь одно государство, которое по совокупности всех составляющих государственной мощи может называться великой державой, претендует на главную роль на мировой арене.

Россия никак больше не может претендовать на второй центр двуполярного мира. Более того, ее существование в качестве сколько-нибудь значимого центра многополярного мира выглядит достаточно проблематичным. Военные расходы НАТО в 1995г. составили 46% мировых - не менее чем в 10 раз больше российских, а численность вооруженных сил НАТО сейчас составляет 7,3 млн., а России - 1,7 млн. человек.

США, добившись своей стратегической цели и достигнув геополитического превосходства, терять его не собираются, т.к. в политике признается только сила, а любое проявление слабости расценивается более сильной стороной как приглашение к дальнейшему наступлению. Это и происходит сейчас в отношениях между Россией и США.

У России на сегодняшний день нет сколько-нибудь реальных возможностей изменить сложившееся соотношение сил. Единственным средством хоть как-то сохранить некий статус, к которому она привыкла и без которого практически невозможна её самоидентификация как государства, остается ядерный фактор.

Однако существует постоянная опасность того, что в условиях недостаточного финансирования российского ВПК отсутствие современной модернизации стратегических сил России и наращивание американских усилий в области ПРО приведут к тому, что Россия потеряет возможность ядерного сдерживания США, в то время, как американская сторона укрепит свой потенциал ядерного сдерживания России.

Если это произойдет, то при нынешнем политическом и экономическом положении России она потеряет практически все возможности влиять на ситуацию в мире.

Наиболее рациональной политикой сегодня было бы признание того, что стратегическое партнерство не состоялось.

Россия пока не может выступать в качестве глобальной державы, равной США. Вопрос самоидентификации становится основным вопросом геополитического самоопределения России. Не имея более оснований считаться глобальной державой, Россия вполне может претендовать на статус региональной державы, контролирующей постсоветское пространство. Это позволило бы ей очертить круг

приоритетных внешнеполитических интересов, отказаться от глобалистских устремлений советского внешнеполитического мышления и в то же время весьма жестко реагировать на попытки Запада вмешиваться в отношения, складывающиеся в данном геополитическом пространстве.

Став реальным и единственным гарантом безопасности и стабильности в регионе, Россия совсем по-другому сможет говорить со странами НАТО и США, которые будут вынуждены не на словах, а на деле признать невозможность создания каких-либо структур безопасности без ее участия.

Однако, следует учитывать тот факт, что в сложившихся обстоятельствах Россия не может тягаться с бывшим СССР по степени и глубине своего влияния в различных регионах мира. Москва оказалась неспособной обеспечить, как этого желали бы в Вашингтоне, конструктивное воздействие на боснийских сербов, Югославию, Северную Корею, Сирию и Ирак.

Осознав пределы российского влияния, США во многом были вынуждены взять на себя значительно большую долю ответственности в решении острейших проблем региональной безопасности. Так было при урегулировании ситуации вокруг ядерной программы КНДР, в организации переговоров между Израилем и ООП, Израилем и Сирией. Наконец, именно российская беспомощность в боснийском конфликте подтолкнула Вашингтон взять на себя всю инициативу, используя средства, которые США посчитали нужными и способными дать немедленный эффект (как, например, массированные бомбардировки авиацией НАТО военных объектов боснийских сербов, во многом изменившие соотношение сил).

Соединенные Штаты стали весьма быстро терять интерес к тесному сотрудничеству с Москвой на региональном уровне и все меньше видели необходимость согласовывать с ней свои внешнеполитические и военные инициативы в отношении конкретных государств. Со своей стороны Москва не могла не интерпретировать такую позицию американцев как стремление не только игнорировать специфические российские интересы в отдельных регионах, но и как попытку вообще оттеснить Россию на задворки мировой политики.

Практически полное неприятие Вашингтоном реинтеграционных усилий среди государств СНГ, особенно в военной области, американская поддержка позиции Азербайджана и Казахстана в вопросе о статусе Каспийского моря, проталкивание "турецкого варианта" транспортировки каспийской нефти, попытки Вашингтона добиться "дейтоновского" урегулирования в Нагорном Карабахе в обход Минской группы ОБСЕ и в первую очередь России, американский курс на установление "особых" отношений с Украиной, - все это говорит о том, что Россия активно отстраняется на задний план.

Американские политологи не скрывают, что хотели бы видеть Украину своеобразным буфером между Европой и Россией и хотели бы видеть ее интегрированной в трансатлантические и западноевропейские структуры.

Другими словами, США хотели бы свести к минимуму возможность возрождения сверхдержавы в постсоветском пространстве в качестве реального их конкурента на мировой арене. Для этого США пытаются экономически, культурно, политически и в военном отношении "оторвать" 52-миллионную Украину от 150-миллионной России и сделать ее "частью Европы".

Сегодня достижение этой цели стало краеугольным камнем геостратегии США в отношении России, заключающейся во всяческом противодействии стремлению России к реинтеграции СНГ (7).

Все это свидетельство того, что между Россией и США разворачивается острое соперничество за влияние в постсоветском пространстве.

После распада СССР России так и не удалось использовать свое объективно доминирующее положение на евразийском Хартленде для занятия отвечающего ее интересам места в формирующейся постконфронтационной системе международных отношений. Увлечение глобализмом и великодержавием не позволило Москве сконцентрировать внимание на "консолидации тылов".

Когда в 1993-1994гг. Россия наконец осознала жизненную важность укрепления своего влияния в государствах СНГ, то для решения этой задачи был избран наименее подходящий способ. Россия попыталась утвердиться в качестве гаранта стабильности и мира в регионе, опираясь преимущественно на первоначальную заинтересованность отдельных ведущих стран Запада в такого рода стабилизации постсоветского пространства.

Российские внешнеполитические приоритеты, таким образом, были поставлены с ног на голову: вместо того, чтобы использовать укрепление своего влияния в постсоветском пространстве в качестве инструмента воздействия на политику Запада, Москва, наоборот, стремилась получить поддержку Запада для воздействия на политику бывших советских республик.

Не получив достаточной поддержки внутри содружества, российское региональное лидерство было с легкостью отвергнуто Западом, и прежде всего США, как попытка возрождения имперской политики. США, убедившись в нежелании России заполнить своим региональным лидерством образовавшийся геополитический вакuum, предпринимают энергичные шаги по проникновению на евразийский Хартленд для того, чтобы не допустить попадания этого региона в зону влияния таких государств, как Иран и Китай. Вашингтон теперь не только не видит более в России регионального лидера, но и рассматривает ее как своего главного конкурента в постсоветском пространстве, а перспективу российского регионального доминирования - как противоречащую долгосрочным интересам западных стран. Этим объясняется политика "неосдержанния" уже на новых геополитических рубежах, блокирующая влияние России в регионе.

Верная модель российско-американских отношений на современном этапе не может быть построена без учета общей геополитической ситуации в мире. Современный мир, покончив с bipolarностью, стал однополюсным. Одновременно ряд государств (Китай, Россия, Индия) или группа государств (воинственные исламистские режимы) имеют потенциал превратиться со временем в новые самостоятельные центры силы и бросить вызов безраздельному господству "западного униполюса", которое продлится довольно долго.

Положение США в однополюсном мире уникально - Вашингтон является общепризнанным лидером наиболее экономически развитой, технологически передовой и военно-политически могущественной группы государств, способной фактически диктовать всему остальному миру. Современная внешняя политика Вашингтона направлена на то, чтобы сохранить нынешнее привилегированное геополитическое положение США и не допустить появления новых центров силы, способных бросить вызов однополюсному мировому порядку.

Однополюсный мир базируется на американском военном доминировании, и сохранение нынешнего положения США в мире требует от Вашингтона активно противодействовать попыткам других государств приобрести военный потенциал, достаточный для успешного регионального и даже глобального сотрудничества с Западом.

Именно в этом состоит наиболее важная цель американской политики в области нераспространения ОМУ и контроля над вооружениями, в том числе на российском направлении. Вашингтон будет всячески препятствовать возрождению

России как самостоятельного центра силы в мировой политике. В равной степени США будут стремиться ограничить региональное влияние России в постсоветском пространстве, понимая, что без утверждения своего лидерства в этом регионе претензии Москвы на более значимую роль в мировых делах окажутся несостоительными. Это будет побуждать Вашингтон проводить в принципе антироссийскую политику в постсоветском пространстве и в прилегающих к нему регионах. Прекрасно это понимая Россия отказывается признать мировое лидерство США и стремится не допустить такого мирового порядка, в котором Соединенные Штаты играли бы роль единственной сверхдержавы. В этом состоит источник самовоспроизводимой конфликтности в российско-американских отношениях на долгосрочную перспективу.

В создавшейся ситуации наиболее целесообразно было бы проведение политики невраждебного дистанцирования РФ от США на международной арене. Не отказываясь от долгосрочных претензий на роль самостоятельного центра силы в мировой политике, России следовало бы сосредоточить внимание на преодолении внутреннего социально-экономического кризиса и консолидации своего регионального лидерства в постсоветском пространстве. Не провоцируя Вашингтон враждебной позицией по вопросам, затрагивающим жизненно важные интересы национальной безопасности США, Россия должна решительно сдерживать недружественные акции американцев в регионах и областях, имеющих действительно жизненно важное значение для ее безопасности и прогрессивного развития. С этой точки зрения оправданна и необходима бескомпромиссная борьба Москвы с Вашингтоном за влияние на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Закавказье, Средней Азии и Прибалтике (6).

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Распад Советского Союза и прекращение его существования как супердержавы коренным образом изменили геополитическую карту мира и сложившийся баланс сил. Драматические события на Европейском континенте и в республиках бывшего СССР заставили зарубежных исследователей заняться изучением совершенно нового феномена - феномена межнациональных и межгосударственных конфликтов в период глобальных геополитических изменений.

Причины обострения межнациональных отношений западные исследователи склонны видеть в насильственном тоталитарном характере "советской империи", создавшей особый тип колониализма. Однако такой подход является несколько упрощенным толкованием событий, произошедших и происходящих по сей день на территории бывшего СССР.

Более научно обоснованным представляется подход, согласно которому межнациональные и межгосударственные конфликты на территории бывшего СССР порождаются за счет глобальных и региональных геополитических перегруппировок. Суть данного подхода сводится к нескольким важнейшим постулатам:

1. Имперские системы или иначе говоря "центры силы" существовали и будут существовать всегда.
2. Отношения господства и подчинения в рамках имперских систем имеют под собой прежде всего экономические основания.

3. Движение подчиненных наций к суверенитету оборачивается в конечном счете перемещением в сферу влияния другого "центра силы" - пусть даже и при наличии видимого политического суверенитета подчиненной нации.

Большинство межнациональных конфликтов в чистом виде не существует. В каждом конкретном случае речь идет о специфических геополитических, экономических и иных интересах соответствующих народов, которые сегодня находятся на этапе превращения в нации-государства и в силу этого стремятся закрепить свой политический суверенитет наиболее радикальными методами. Примеров тому в истории немало - Франция эпохи Великой французской революции, Германия времен Бисмарка и т.д.

Таким образом, народы, веками населявшие пространство "одной шестой части суши", оказались связанными чем-то большим, чем "господство советской власти", а именно особой геополитической тектоникой, сдвиги в которой приводят к катаклизмам. Безусловно, каждый отдельный конфликт на территории бывшего СССР имеет собственные непосредственные причины и логику возникновения, но главной, универсальной *prima causa* всех межнациональных и межгосударственных конфликтов являются глобальные, региональные и субрегиональные геополитические трансформации.

Абсолютное большинство зарубежных политиков признает тот факт, что ключевым "игроком" в постсоветском геополитическом пространстве остается Россия. С этой точки зрения вполне правомерной представляется попытка некоторых исследователей при классификации конфликтов взять в качестве критерия степень угрозы национальным интересам России. С этой точки зрения можно провести следующую классификацию:

1. Конфликты, непосредственно затрагивающие национальные интересы России типа "центр-периферия" внутри Российской Федерации (Чечня, Татарстан); межэтнические и территориальные внутри Российской Федерации (Северный Кавказ); те, в которых прямо или косвенно задействована нынешняя территория России (претензии Эстонии и Литвы на часть российских земель).

2. Конфликты, потенциально затрагивающие национальные интересы России, - гражданское противостояние в Таджикистане; армяно-азербайджанский конфликт; Грузия-Южная Осетия; Грузия-Абхазия.

Нынешняя геополитическая ситуация на территории бывшего Союза характеризуется двумя главными особенностями.

Во-первых, наметились тенденции определенной изоляции России в рамках СНГ и, как следствие, нарушение стратегического равновесия во всем геополитическом пространстве бывшего СССР. Один из ведущих американских политологов Брюс Портер писал: "Самым ужасным кошмаром для России в постсоветскую эпоху может стать положение, когда бывшие республики начнут добиваться установления союзов с соседними и близлежащими государствами: Эстония и Латвия со скандинавскими странами, Литва и Белоруссия с Польшей, Молдова с Румынией, Украина с Польшей или Чехией, Азербайджан с Ираном, государства Средней Азии с Турцией и, конечно, с исламским миром".

Сегодня многие из этих союзов становятся реальностью, что является следствием становления наций-государств и обретения последними внешнеполитической самостоятельности. Речь идет о более далеко идущих тенденциях изменения геополитического статуса бывших союзных республик - в частности, "буферных государств" между Западом и Россией. В этих условиях реальные возможности России отводить внешние угрозы значительно ограничиваются.

Во-вторых, продолжается рост этнополитической напряженности внутри России.

Именно эти особенности являются сегодня определяющими в поведении России в отношении межэтнических и межгосударственных конфликтов на территории бывшего СССР.

Однако было бы неверным рассматривать все конфликты только с точки зрения интересов России. Большинство западных экспертов признает, что глобальное противостояние двух супердержав, обладавших мощными ядерными арсеналами, дополнялось взаимной озабоченностью в связи с возможным развитием локальных конфликтов, которые могли бы перерасти во всеобщую катастрофу. Военно-стратегическое равновесие СССР и США создавало достаточно надежную систему взаимного сдерживания, позволявшую регулировать кризисы в различных регионах.

Завершение холодной войны существенно снизило угрозу глобального ракетно-ядерного столкновения, не устранив, однако, опасности войн вообще. Недаром уже в начале 80-х годов администрация США при поддержке аналитических подразделений спецслужб и Пентагона начала активно разрабатывать концепцию так называемых "конфликтов низкой (или малой) интенсивности". После распада СССР и завершения эпохи биполярного мира межнациональный конфликт (по сути дела разновидность "конфликта низкой интенсивности") начинает вытеснять традиционное понятие конфликта между Востоком и Западом, а центр тяжести постепенно переносится с глобального уровня на уровень региональный и даже субрегиональный. Межнациональный конфликт, конечно, не вытеснил опасность "больших войн", но придал ей иное, неядерное измерение.

Вместе с тем угроза, таящаяся в межнациональных конфликтах, лишь до поры до времени может носить "неядерный" характер.

Во-первых, неконтролируемость хода ряда конфликтов, высокий уровень военной эскалации существенно повышают риск распространения ядерного оружия.

Во-вторых, сами конфликты порождают на региональном и субрегиональном уровнях такой потенциал нестабильности (находящийся вне сфер контроля ведущих мировых держав), который в любой момент может спровоцировать глобальный конфликт с применением ядерного оружия. Как справедливо отмечал в конце 80-х годов французский теоретик международных отношений, бывший советник президента Франции Р. Дебрэ, "конец диархии США-СССР заставляет нас перейти от мира, где риск (запланированной) мировой войны коренился в региональных конфликтах, к миру тех же конфликтов, могущих вылиться в незапограммированную мировую войну".

Ни одно государство в мире, ни одна политическая сила не были заинтересованы в хаотическом развале СССР и возникновении в геополитическом Хартленде этнотERRиториальных конфликтов. Интересам всеобщей безопасности отвечали бы контроль геополитического пространства советского государства со стороны стабильного союза государств.

Вместе с тем надо совершенно четко понимать и то, что при всех негативных последствиях распада СССР для международной безопасности Запад в равной степени не хотел бы и возрождения сильной России, группирующющей вокруг себя "силовой пояс" из бывших союзных республик. Об этом как бы нигде открыто не говорится, однако некоторые практические действия, в частности, американской администрации (заигрывание с рядом членов СНГ по поводу вступления в "Партнерство ради мира", довольно откровенное стремление "бить" дипломатию

Москвы "козырями" из Киева и Алма-Аты, обсуждение в конгрессе США возможностей проведения политики сдерживания России), убедительно свидетельствуют об этом. Сегодня, например, в американских политических кругах начинает активно обсуждаться идея создания по периметру границ России так называемого Балтийско-Черноморского сообщества (т.е. фактически "санитарного кордона"), которое служило бы противовесом потенциально имперской России.

Поощрение Западом (и прежде всего США) альянсов, носящих недружественный характер по отношению к России, "буферных зон", попытки вовлечь ряд бывших советских республик в "зону ответственности" НАТО вряд ли приведут к полной изоляции России.

С точки зрения интересов международной безопасности и на Западе и в СНГ начинает пользоваться поддержкой идея европейского союза, которому с самого начала должен быть придан характер военно-политического альянса, своего рода "постсоветского НАТО" с зоной ответственности в пределах границ государств, вошедших в этот союз. Основной задачей союза должно стать поддержание мира и стабильности на соответствующих территориях, недопущение передела сложившихся государственных границ стран-участниц, прекращение и предотвращение межнациональных распреи и т.д.

Коллективность военно-политических обязательств даст возможность участникам сообщества применить совместно миротворческую силу там, где это было бы непозволительно каждой из стран-участниц в отдельности.

Кроме того, на нынешнем этапе такому (евразиатскому) союзу вовсе не следует придавать атрибуты квазигосударственного формирования - единые вооруженные силы, коллективные органы по выработке общесоюзной политики, единая денежно-валютная система и т.д. Однако сила взаимных гарантий участников союза должна быть такова, чтоб ни один из них не мог использовать даже малейшую возможность участия в каких-то иных формах межгосударственных обязательств, противоречащих интересам остальных участников союза (8).

ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

В обеспечении общей безопасности России решающее значение имеет Кавказ. Здесь она может много выиграть или понести огромные потери. Положение на Кавказе определяется следующими факторами.

1. Экономическое положение вынуждает кавказские государства искать иностранные кредиты. В качестве кредиторов выступают Турция и Иран, которые могут оказать политическое и военное влияние на кавказские республики.

2. На Кавказе сильна политическая нестабильность, обусловленная войной Грузии против Абхазии и Южной Осетии, а также войной между Арменией и Азербайджаном. Роль России в данном случае миротворческая и здесь нельзя допустить просчеты.

3. Природные запасы нефти в Азербайджане, а также в регионе Каспийского моря так же велики, как и в Персидском заливе. Чтобы обеспечить функционирование нефтепровода, идущего от Баку, Москва старается быстрее покончить с войной в Чечне.

Кавказские государства связывают свою судьбу не только с Россией, сколько с США, ФРГ, Турцией и Ираном. Самым неприятным фактором для России является видение американского присутствия на Кавказе.

Огромную проблему с точки зрения обеспечения безопасности представляет охрана границ: бывшие границы СССР охранялись, однако теперь возникли границы новых кавказских государств. Эти государства имеют собственные интересы и не могут или не хотят охранять свои рубежи. Например, границы Азербайджана с Турцией и Ираном остаются прозрачными.

Другая проблема России касается отношений с Азербайджаном и Грузией. Оба эти государства не хотят создавать единую с Россией систему обеспечения безопасности в этом регионе и расширяют свои контакты с Турцией и НАТО. В настоящее время непрерывно развивается военное сотрудничество Грузии с США, партнерские отношения установлены с Германией, Великобританией и Турцией, в то время, как с Россией сотрудничество остается неопределенным.

По военно-политическим причинам конфликт Азербайджана с Арменией из-за НКР имеет немаловажное значение как для России, так и для США. Для Москвы чрезвычайно важно сохранение прежних границ между Арменией и Азербайджаном. Вашингтон снова и снова предлагает осуществить территориальный обмен: Армения получает Нагорный Карабах, в то время как Азербайджан - часть армянской Зангезурской области, в результате чего получает общую границу с Турцией. Но тогда возникает опасение, что Москва будет исключена из международного нефтяного проекта.

Кроме того, Азербайджан явился первой страной в составе СНГ, добившейся полного вывода российских войск и не желающей допускать дислокации российских войск на своей территории. Баку имеет братские отношения с Анкарой; установлено и плодотворное сотрудничество с Тегераном.

Россия имеет огромные военно-политические проблемы, связанные с Грузией и Азербайджаном. Самым верным союзническим партнером России на Кавказе является Армения, которая стремится к установлению военного сотрудничества с Россией и готова к стратегическому партнерству; на ее территории российской армией дислоцированы 40 танков, 55 бронетранспортеров и 81 артиллерийская система. Большинство населения Армении в ходе социологического опроса выступает за политическое партнерство с Россией. Следует также отметить, что Иран энергично стремится к заключению союза с Россией и Арменией, чтобы преодолеть свою внешнеполитическую изоляцию.

Соперничество за влияние на Кавказе между Россией, с одной стороны, и США, Турцией, Великобританией, Германией и Ираном с другой, является обычным делом, однако не следует забывать, что Кавказ и Закавказье представляют собой пороховую бочку не только для России, но и для всей европейской безопасности (9).

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

В последние годы в массовом сознании российского общества стало циркулировать утверждение об угрозе исламского фундаментализма. Что же характерно для него как идеально-политического течения?

Ему присущи такие черты, как разделение мира на "своих" и "чужих"; абсолютизация значимости собственных ценностей (религиозных, этических, правовых, социально-политических и т.д.); претензия на обладание истиной в последней инстанции; агрессивная нетерпимость к иным учениям,

мировоззренческим системам; готовность к вооруженному насилию для подавления инакомыслия и навязывание своего видения мира и образа жизни.

В западной политологии и в российских научных кругах существует мнение, что присущие исламскому фундаментализму характеристики создают предпосылки к попыткам религиозных экстремистов "экспортировать" его в регионы, в которых преобладают верующие мусульмане: Ближний и Средний Восток, Северный Кавказ, Средняя Азия, российские республики Поволжья. В связи с этим утверждается, что с юга (прежде всего из Ирана и Афганистана) России угрожает "экспансия агрессивного фундаментализма".

Вооруженный конфликт в Афганистане переместился в постсоветское пространство, в Таджикистан. В случае падения Таджикистана на очереди окажутся Узбекистан, а затем и южные (мусульманские) районы Казахстана. Однако все это явится лишь промежуточным плацдармом для последующего более мощного движения на север, на Россию. При этом вспомогательную роль будет играть давление со стороны Северного Кавказа. В перспективе эти два направления нацелены на то, чтобы соединиться в бассейне Нижней Волги, разрезая таким образом Россию на две части - западную и восточную.

В пользу такого рода развития событий говорят не только конфликты в Таджикистане и Чечне, но и действия мусульманских экстремистов в Алжире, Египте, Индии, Франции. На основании этого опасность исламского фундаментализма трактуется частью аналитиков как общая проблема европейских стран от Урала до Атлантики, перед лицом которой важно включить Россию в общую конструкцию системы европейской безопасности, где ей была бы отведена на востоке роль "щита Европы".

Однако, рассматривая вопрос об исламском фундаментализме, следует иметь в виду и то обстоятельство, что в исламе как социальном институте нет таких жестких структур управления, как в католицизме (Ватикан) или православии (Московский патриархат Русской Православной Церкви), что находит отражение на координированности их действий в глобальном масштабе.

Кроме того, современный ислам не является единым целым и в мировоззренческом плане. В этой религии существуют два основных направления; суннизм и шиизм. У приверженцев обеих теологических школ есть ортодоксы, которые не готовы ни на йоту отказаться от своих постулатов. Поэтому более расположенные к фундаментализму шииты в силу вековых теологических разногласий с суннитами вряд ли смогут играть роль духовных лидеров всех мусульман.

Сплочению мира ислама препятствует и этнический фактор. Тюркские народы и арабы вряд ли согласятся на доминирование относящихся к иному этносу иранцев. Центростремительным тенденциям противодействуют также политические и экономические противоречия между Ираном и Ираком, Ираном и Турцией, Ираном и Пакистаном.

Ислам демонстрирует пока непригодность стать базой для устойчивых межгосударственных образований.

Утверждения политиков об агрессивности ислама, его враждебности "христианской цивилизации", служащие для обоснования тезиса об угрозе России с юга, скрывают подлинные экономические и социально-политические причины возникновения исламского фундаментализма и роста экстремистских настроений среди части мусульман.

В происходящих на юге СНГ событиях наиболее заметна роль Турции, которая постепенно превращается в региональную сверхдержаву. Для части ее политической элиты характерны пантюркистские настроения и приверженность

идее глобальной ответственности своей страны за судьбы всех тюркских народов "от Адриатики до Китайского моря". После того, как СССР перестал существовать как единое государство и возможности России (из-за ее внутренних проблем, прежде всего экономических и финансовых) воздействовать на процессы в странах СНГ существенно ослабли, у Турции появился шанс распространить свое влияние на закавказские и среднеазиатские республики бывшего СССР.

Так, по инициативе Турции стали проводится ежегодные встречи в верхах шестерки тюркоязычных государств (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция, Узбекистан, Туркмения); достигнута договоренность о строительстве автодороги между Узбекистаном и Турцией.

Сами по себе факты сотрудничества между тюркскими народами - естественны. Опасение вызывает другое: стремление определенных политических сил использовать это сотрудничество в антироссийских целях. Не могут не настороживать, например, такие шаги, как введение в 1994 году особого порядка прохождения через Босфор крупнотоннажных танкеров (что затронуло прежде всего российские интересы), сообщения об активности иностранных спецслужб в связи с событиями в Чечне, выдвижение идеи создания черноморской зоны экономического сотрудничества, в которой России отводится второстепенная роль.

Вряд ли "турецкий фактор" можно считать религиозным, исламским. Сказывается интегрированность Турции в geopolитические конструкции западного мира (НАТО и др.), координация ее политики в рамках межгосударственных союзов, где доминируют США.

Стремление Турции играть роль лидера среди тюркских народов совпадает с заинтересованностью "атлантической цивилизации" ослабить Россию, максимально ограничить ее влияние за пределами ее национальных границ.

"Турецкий фактор" приобрел особое значение в мировой политике в связи с открытием богатых нефтяных месторождений в Каспийском море и Казахстане. Запад стремится установить свой контроль над новым "нефтяным краном". Вопрос о контроле - это не только то, кто будет добывать нефть (в освоении нефтяных месторождений на территории республик СНГ намерены активно участвовать транснациональные компании Запада), но и то, через территорию каких стран она будет поступать в Западную Европу.

Россия, естественно, заинтересована в том, чтобы маршрут нефтепровода проходил через ее территорию до порта Новороссийск. Это объясняется не только финансовой выгодой. Система нефте- и газопроводов, по которым добываемое в регионах бывшего СССР сырье экспортируется на мировые рынки, представляет собой один из экономических инструментов сохранения российского влияния в постсоветском пространстве.

Борьба за контроль над маршрутами нефтегазового транзита из внутренних районов Евразии к потребителям в индустриально развитых странах объясняет суть многих событий. Это и попытки дестабилизировать ситуацию в Северокавказском регионе России, максимально уменьшить ее военное присутствие в Крыму (Черноморский флот со своей главной базой в Севастополе). В связи с тем, что маршруты танкеров (из Новороссийска или грузинских портов) будут проходить через Черное море, geopolитические соперники России стремятся ограничить ее военные возможности контролировать морские коммуникации.

В контексте борьбы за контроль над сырьевыми богатствами можно увидеть заинтересованность именно "атлантической цивилизации" в провоцировании нестабильности в южных регионах бывшего СССР и использовании исламского фундаментализма в антироссийских целях.

Полный хаос в странах СНГ - не в интересах "атлантической цивилизации", ибо угрожает полной дестабилизацией всей мировой системы межгосударственных отношений. Для нее Содружество независимых государств было бы идеально как зона соприкасающихся друг с другом конфликтов низкой интенсивности. Поэтому посредством исламского фундаментализма и предпринимаются попытки создать "дугу нестабильности" по всей южной периферии российских рубежей: от Балкан до Каспийского моря и далее через Среднюю Азию до китайских границ.

Технология установления атлантического контроля над северо-восточной частью Евразийского континента предполагает не прямое управление новыми назависимыми государствами, а управление постоянно тлеющими очагами напряженности, затрудняющими Россию восстановление промышленного и научно-технического потенциала. Истошающиеся вялотекущими вооруженными конфликтами страны СНГ превратились бы в контролируемые источники дешевого сырья и рынок сбыта второсортной продукции, импортируемой с Запада.

Стимулирование на территории СНГ конфликтов низкой интенсивности под прикрытием угрозы распространения исламского фундаментализма позволяет втягивать Россию в длительный конфликт с миром ислама. Тем самым "убиваются два зайца": затрудняется возрождение сильной России и ослабленная страна, нуждающаяся в поддержке, вовлекается в орбиту "атлантической цивилизации" (но не на правах равноправного субъекта, а как объект и инструмент ее политики), а также "канализируется" в российском направлении недовольство мусульманских стран своим местом в мировом сообществе и предотвращается военное противостояние Запада с арабским миром.

Обеспечить в современных условиях гармонию в межнациональных отношениях - одна из ключевых задач региональной политики России, без решения которой трудно рассчитывать на обеспечение безопасности на южном направлении. Другая, не менее важная проблема - выработка оптимальной модели отношений с республиками СНГ. Развитие сотрудничества со странами Содружества выдвигается в число приоритетных задач политики России, в том числе и с точки зрения обеспечения национальной безопасности (10).

РАСПИРЕНИЕ НАТО НА ВОСТОК

В политических кругах США идут дебаты относительно преимуществ, вытекающих из расширения НАТО. В центре этих дебатов находятся такие проблемы, как сохраняющаяся необходимость активной вовлеченности США в европейские дела и влияние расширения НАТО на исход реформ в России. Доминирующая точка зрения состоит в том, что расширение НАТО обеспечивает решение двух задач: заполнение вакуума безопасности в Центральной и Восточной Европе и гарантирование от возрождения угрозы с востока.

Первой инициативой НАТО в решении проблемы места России в военно-политических структурах Запада стало создание в конце 1991г. Совета североатлантического союза (ССАС), совпавшее по времени с распадом СССР. Членство в ССАС было открытым для всех членов НАТО, государств бывшей Организации Варшавского договора и новых независимых государств, возникших после распада СССР. ССАС замышлялся как консультативный форум для анализа вопросов безопасности Европы.

На встрече глав государств - членов НАТО в январе 1994г. было сделано официальное заявление о начале реализации новой инициативы - программы "Партнерство во имя мира". Соглашение о "Партнерстве" предусматривало проведение консультаций с НАТО в случае возникновения угрозы территориальной целостности, политической независимости или безопасности государства - участника. Членство в "Партнерстве во имя мира" было формой сотрудничества переходного характера, предшествующей полному членству в НАТО. "Партнерство" означало подтверждение единодушного мнения Запада относительно необходимости сохранения и расширения НАТО и после окончания холодной войны.

Несмотря на усилия американского руководства доказать, что расширение НАТО не представляет угрозы для России, намерение расширить НАТО в восточном направлении по-прежнему представляет собой серьезный фактор угрозы подрыва столь недавно возникших благоприятных отношений между Западом и Россией.

Расширение НАТО и сегодня и в ближайшей перспективе будет восприниматься как враждебная, дестабилизирующая мера.

Поведение НАТО в Боснии, в особенности отказ от консультаций с российскими должностными лицами, демонстрирует отсутствие уважения к международному влиянию России. В политических кругах России вызывает беспокойство то, что действия НАТО в Боснии создают фундамент для подобной же интервенции в будущем на территорию СНГ. В то время, как Россия пошла на целый ряд компромиссов, связанных со значительными издержками, Запад в свою очередь не пошел ни на какие компромиссы для содействия окончательной ликвидации напряженности в отношениях Восток-Запад (11).

В 1990г. Совет НАТО принял решение о преобразовании Североатлантического союза с целью адаптировать его к новым обстоятельствам и превратить в один из оплотов безопасности в Европе. С учетом такого намерения, в Декларации Хельсинской встречи на высшем уровне 10 июля 1992г. ("Хельсинки-2") было зафиксировано положительное отношение участников Хельсинкского процесса к укреплению роли НАТО "как составного элемента европейской цивилизации". Это означает, что решение о расширении НАТО до ее трансформации в одну из опор безопасности в Европе находится в противоречии с договоренностями, принятыми в рамках хельсинкского процесса.

Вопрос о расширении НАТО был поставлен президентом США Б. Клинтоном в его выступлении 13 октября 1993г. в Праге на встрече с главами государств Вышеградской четверки (Венгрия, Польша, Чехия, Словакия) в виде категорического приказа. Он заявил, что речь идет не о том, должна ли НАТО принимать новых членов, а лишь о том, когда и каким образом. Госдепартаментом также было объявлено, что этот вопрос будет рассматриваться исключительно в стенах НАТО и не подлежит обсуждению с другими государствами - участниками ОБСЕ.

Следует реагировать должным образом на попытки госсекретаря США У. Кристофера и генерального секретаря НАТО Х. Соланы использовать продвижение НАТО на восток для противодействия интеграционным процессам в СНГ. Только так можно расценить их предложения Казахстану (в октябре 1993г.) и Украине (в апреле 1996г.) присоединиться к НАТО.

Сдвиг военной инфраструктуры НАТО к границам России приведет к существенному изменению геополитической ситуации в Европе.

Расширение Североатлантического союза при одновременной раздвижке географических рамок и его возможных действий может втянуть участников блока

в вооруженные конфликты за пределами Европы. Это вызывает подозрение в других регионах мира, в частности в Азии. При встрече министра иностранных дел РФ Е. Примакова с внешнеполитическим руководством Индии в конце марта 1996г. отмечалось "неприятие разделения мира на военные блоки". В ходе визита президента России Б. Ельцина в КНР Пекин поддержал его позицию против расширения НАТО на восток. В совместной российско-китайской декларации от 25 апреля 1996г. стороны осудили "новые проявления блоковой политики" как "серьезный вызов" укреплению мира во всем мире.

В связи с этим было бы целесообразно завязать обмен мнениями с парламентариями стран Азии, в первую очередь Китая, Индии и Ирана, подчеркивая, что расширение НАТО грозит внести элемент дестабилизации в военно-политическую ситуацию на Евразийском континенте (12).

Создание новой международной системы безопасности будет формироваться на основе НАТО и ЕС.

ООН неоднократно подвергалась резкой критике со стороны США за неэффективность в разрешении проблем международной безопасности, прежде всего при урегулировании конфликтов. Открыто заявлялось и о том, что присутствие в Совете Безопасности России и Китая нежелательно для Вашингтона, т.к. мешает его возможности проводить необходимые решения в будущем, т.е., затрудняет осуществление политики, проводимой США.

Первым шагом на пути реализации программы создания нового атлантического сообщества остается расширение НАТО за счет нескольких восточноевропейских государств.

Устанавливая стандарты и различные сроки приема для стран, не входящих в НАТО, США и западные страны привносят элемент ненужного соперничества между претендентами, что может вызвать осложнения в отношениях между отдельными странами.

В настоящий момент Россия переживает серьезные политические и экономические трудности, и вопрос о ее включении в новое атлантическое сообщество не стоит в сегодняшней повестке дня. Ряд восточноевропейских стран находится в более выгодной ситуации. Страны Балтии и некоторые государства СНГ также выражают желание вступить в НАТО, обосновывая этот шаг возможностью возникновения новой угрозы со стороны России.

Сложность международной ситуации для России и перспектива создания широкой военной структуры в Европе ставит перед ней задачи формулирования более продуманной политики в отношении Европы, США, СНГ, стран Балтии, с тем, чтобы ее интересы не пострадали. Особого внимания заслуживает Азия, т.к. страны этого региона пока не приглашаются в НАТО или новое атлантическое сообщество, а близость Китая требует от России политики, обеспечивающей стабильность в регионе и соблюдение ее интересов.

Советский Союз пошел на серьезные уступки Западу в вопросе объединения Германии, Варшавский договор был распущен, СССР перестал существовать, но после окончания противостояния Вашингтон продолжает строить свою политику, руководствуясь стереотипами холодной войны. Вместо того, чтобы принять новую Россию в западное сообщество, допустить ее к решению глобальных проблем, США потребовали от нее прохождения суровых экономических и политических тестов, лишив реальной и действенной поддержки.

Россия как правоприемница СССР остается крупнейшей ядерной державой, однако процесс ее идентификации в новых международных условиях не завершен. Причин несколько: ее экономическая и политическая нестабильность;

незавершенность формирования новой политической элиты и внешнеполитической стратегии с учетом новых параметров страны и внешних условий; непоследовательная позиция стран Запада по отношению к России, отход от ряда прежних договоренностей в области безопасности, принятие решений, противоречащих российским геополитическим и региональным интересам.

Именно с перспективой расширения НАТО на восток заострились проблемы российско-американских отношений. Россия оказалась перед необходимостью выработки своих подходов к проблеме создания структуры безопасности с учетом своих интересов в долгосрочной перспективе (13).

27 мая 1997г. в Париже Россия и страны-члены НАТО подписали Осново-полагающий акт - документ, определяющий принципы их взаимоотношений. Именно с этого дня началось исчисление постмадридского этапа. Практически в тот же день выступления глав России и США показали, что одни и те же положения документа интерпретируются сторонами не одинаково: Ельцин трактовал его как дающий России полноценное право участия в принятии альянсом решений, в то время, как Клинтон подчеркивал, что решения будут приниматься НАТО и у России нет права вето.

Как же и кем будет определяться постмадридский период? Главным фактором является видение процесса расширения НАТО в более далекой перспективе. Будет ли проецирование стабильности на восток сопровождаться переносом границ, или же она будет поддерживаться с обеих сторон - с востока и запада? Был ли Париж мая 1997г. ухудшенным вариантом Ялты с "плавающей" восточной границей или же он стал для России Версалем, когда интересы великой державы были проигнорированы.

Расширение НАТО как проявление центрально-восточно-европейской политики и отношений с Россией - лишь часть процесса. Не менее важными его составляющими являются обеспечение присутствия и лидерства США в Европе и попытка США закрепить монополярную модель мира.

Кроме того, главная проблема, к которой привел процесс расширения НАТО - это глубокое противоречие между стремлением кандидатов в члены альянса провести новую границу в Европе и сопротивлением этому России, воспринимающей установление этой границы, "плывущей" на восток, как политику, направленную на её изоляцию, т.е. главную угрозу её безопасности.

Трудно не увидеть в весенне-летних событиях 1997г. тенденции к передвижению постмадридской границы к восточным границам Украины, что означает для России не только перспективу продвижения к ним НАТО, но и существенное сокращение постсоветского интеграционного пространства.

Несмотря на сложность внешнеполитической ситуации для России, у нее остаются возможности геополитического маневра для того, чтобы обеспечить свои позиции в Европе и в мире.

Внешнеполитическая деятельность России в этот период оказалась до предела насыщенной. Россия, подписывая мирный договор с Чечней, Устав Союза с Белоруссией, и, наконец, "большой договор" с Украиной, ограничивала свои западные и южные границы. Кроме того, все перечисленные документы были победой здравого смысла pragmatизма над великодержавным синдромом. Это прежде всего признание Россией суверенной независимости Украины как равноправного партнера, а также признание неспособности сохранения своих позиций с помощью военной силы в Чечне.

Противодействовать расширению НАТО в том виде, который действительно угрожает России изоляцией - расширению допостконфронтационной НАТО, -

Россия в обозримой перспективе сможет, развивая мирное "контраступление" по пяти ключевым направлениям.

Во-первых, развитие сотрудничества с НАТО, которое в итоге определяет масштаб и формы расширения блока. Но главной целью взаимодействия с альянсом должно быть изменение стереотипа восприятия России, стремление переломить стереотипы, менталитет холодной войны.

Сверхцелью этого сотрудничества должно быть формирование новой архитектуры европейской и евразийской безопасности на основе взаимодействия НАТО, ООН, ОБСЕ и СНГ.

Во-вторых, развитие сотрудничества с отдельными государствами - ведущими членами альянса - США, Германией, Францией, Великобританией. Развитие двустороннего сотрудничества поможет дополнительно противодействовать негативным тенденциям расширения и прежде всего изоляции России.

В-третьих, развитие или восстановление дружественных отношений с Белоруссией и Украиной, преодоление растущих там антироссийских настроений и формирование тесных экономических связей - без этого российская политика будет обречена на провал, ибо все проблемы российской безопасности упираются в будущее этих государств.

В-четвертых, установление полномасштабного политического и экономического сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы и прежде всего - с Польшей. Объективно неизбежная тенденция влияния Польши на НАТО, установление границы, причем дальше на восток до Буга - противоречит интересам России и может быть преодолена лишь в том случае, если Россия докажет, что не имеет ни малейших намерений покушаться на независимость и суверенитет Польши. Если Россия по-прежнему будет пренебрегать отношениями с Польшей как второстепенным приоритетом, то она с истовостью новообращенного будет прилагать все усилия для укрепления эффективности института НАТО, организации, в которую Польша всегда стремилась и в интересах которой будет проводить политику передвижения границы на восток.

В-пятых, дальнейшая трансформация Российского государства, экономические преобразования, военная реформа и т.д.

Без решения этих задач Россия не сможет предолеть угрозы изоляции и противостоять появлению "границы" (14).

Вовлечение стран Центральной и Восточной Европы в структуру НАТО означает возникновение новой геополитической и военно-стратегической ситуации, характеризующейся выдавливанием России из европейского военно-политического пространства, нарушает военно-стратегическое равновесие в мире.

Военно-политический союз в рамках СНГ может быть ответной мерой на расширение НАТО. Этот вопрос следует рассматривать в тесной связи с экономическими проблемами, определяющими политику государств Содружества в области обороны. СНГ зарождалось на гребне остройшего структурного кризиса промышленности бывшего СССР. Неоднородность социально-экономической инфраструктуры республик, дезинтеграционные процессы стали главным препятствием сохранения единого военно-стратегического пространства стран Содружества. Вот почему скорейшая экономическая интеграция в рамках СНГ становится непременным условием создания эффективной системы безопасности.

В качестве основных целей построения коллективной системы безопасности объективно выступают: создание поля доверия и взаимной ответственности между государствами - участниками; экономия ресурсов; защита интересов и территориальной целостности государств-участников.

В рамках прогнозируемой системы можно рассматривать возможность создания трех региональных систем безопасности: Восточно-Европейская (Россия-Белоруссия), Кавказская (Россия-Грузия-Армения), Центрально-Азиатская (Россия-Казахстан-Киргизия-Таджикистан).

Военное сотрудничество в рамках СНГ как ответная мера на расширение НАТО на восток должно приобрести целенаправленное действие, обращенное на обеспечение собственной безопасности членов СНГ и всей общеевропейской системы безопасности.

Новая разделительная линия в Европе потребует от России принятия соответствующих ответных мер. В их числе могут оказаться, к примеру, следующие:

- пересмотр с учетом изменившейся геополитической обстановки отдельных ключевых положений основ военной доктрины России, а также, возможно, взглядов на роль и место ядерного оружия в обеспечении своей военной безопасности;
- начало консультаций по созданию ответного оборонительного военного союза, включающего не только страны Содружества;
- значительное усиление южной, западной и северо-западной группировок войск;
- усиление воздушно-космической обороны;
- пересмотр отношения к выполнению договоров СНВ-1, РСМД, а также ратификации договоров СНВ-2 и по открытому небу;
- восстановление мощностей военно-промышленного комплекса и переориентирование его на выпуск перспективных вооружений и военной техники с целью восстановления баланса сил.

Было бы наивным полагать, что стремительное поглощение выгодных стратегических рубежей и наращивание "военных мускулов" вблизи государственных границ Россия воспримет спокойно. Подобный виток напряженности в отношениях между группами государств, входящих и не входящих в НАТО, по существу свидет на нет усилия по созданию и реализации "Модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века", разработанной ОБСЕ. Расширение НАТО, несомненно, спровоцирует этот процесс. Но есть и другой путь - путь конструктивной стабилизации отношений. В его основе лежат взвешенная политика России по защите собственных интересов в геополитическом пространстве и американская политика партнерских отношений с Россией. Во главу угла здесь ставятся четыре основных направления: заключение отдельной хартии между НАТО и Россией; двустороннее российско-американское военное взаимодействие; продолжение программы Нанно-Лугара по демонтажу ядерных боеголовок; дальнейшие переговоры по ядерному разоружению.

Интересам России отвечает заключение юридически обязательного договора с НАТО, который должен опираться на нормы международного права (15).

Таким образом, жизненно важные интересы России представляют собой три круга.

Первый круг интересов - бывшие советские республики. От того, как сложатся отношения с ними, зависит будущее России.

Второй круг интересов - это те регионы Европы и Азии, где Россия традиционно присутствовала и где, несмотря на сегодняшнее падение влияния России, она сохраняет жизненно важные интересы. Это Восточная и Центральная Европа, Ближний и Средний Восток, Дальний Восток. Геополитическая логика требует задействованности России в этих регионах, потому что господство любого из главных центров силы в этих регионах будет распространяться и на территорию

СНГ, создавать угрозу и для самой России. Предотвращение господства какой-либо державы в этих регионах - стратегическая задача России.

Наконец, третий круг интересов - это отношения России с США и Западом в целом. Место России в мире будет в значительной степени определяться именно ее отношениями с развитыми западными странами.

Россия находится geopolitically в уникальном положении, т.к. имеет жизненно важные интересы и в Евроатлантическом, и в Азиатско-Тихоокеанском регионах.

В то же время сегодня у нее нет надежных союзников и партнеров, которые могли бы прийти России на помощь в тех случаях, когда создается реальная угроза ее жизненно важным интересам. В последние годы произошел полный распад системы союзов, которая имелась у СССР, но новых союзов Россия создать не смогла. Решение проблем изоляции, отсутствия союзников и партнеров на мировой арене является ключевой задачей российской внешней политики.

Буферная зона, возникшая в результате распада Варшавского договора и вывода советских войск, исчезнет в течение ближайших нескольких лет. В результате в Европе вместо двухблоковой системы безопасности возникнет одноблоковая структура, изолирующая и "сдерживающая" Россию. Начался новый раздел на континенте, вместо Ялтинской формируется своего рода новая Версальская система.

Можно ли избежать нового противостояния между Россией и Западом? Дело конечно, не в том, чтобы Россия согласилась или нет на принятие в НАТО новых членов, т.к. никто и не спрашивает ее согласия - Москва не обладает правом вето в этой организации. Речь может идти о том, как свести к минимуму отрицательные последствия расширения Североатлантического альянса и избежать обострения ситуации на Европейском континенте (16).

МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Несмотря на то, что многое в политическом ландшафте изменилось с распадом СССР, ничто не изменилось в географии Северо-восточной Азии. Это - регион, в котором сталкиваются интересы четырех наиболее важных мировых держав.

В опубликованном документе Пентагона "Стратегия тихоокеанской безопасности в Восточной Азии", являющемся всеобъемлющим анализом американских интересов и обосновывающим "жизненную необходимость" доминирующего присутствия США в регионе, отмечается: "Если американское присутствие в Азии будет ликвидировано, то это поставит под угрозу Азию, что чревато серьезными последствиями и для Азии, и для Америки. Наша способность влиять на ход событий также была бы ограничена; возникла бы опасность нашим рынкам и интересам. Для того, чтобы пользоваться плодами роста и процветания АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион), Соединенные Штаты должны быть полностью вовлечены в события, происходящие в этом районе, - в экономическом, дипломатическом и военном отношении". В документе подтверждается, что США сохранят свои вооруженные силы в АТР численностью 100 тыс. человек, т.е. на уровне американских войск в Европе.

В США выражают беспокойство по поводу сближения России с КНР и возможностью их военно-политического союза.

Усиление взаимодействия между Россией и Китаем на международной политической арене может создать нежелательную для США конфигурацию баланса сил в АТР, да и в мире в целом. Возможное присоединение к ним Японии стало бы реальным шагом к смещению глобального экономического могущества от США и Западной Европы в районы Восточной Азии и Дальнего Востока.

Д. Ергин и Т. Густафсон, авторы нашумевшей в США книги "Россия 2010", пишут, что Россия очень обеспокоена расселением китайцев на российских территориях, которые в прошлом принадлежали Китайской империи и вряд ли смирится с любыми попытками Китая возродить пограничную проблему.

И хотя военная мощь России традиционно сдерживала Китай, впервые за последние 400 лет появились четкие признаки того, что сейчас Пекин находится в более благоприятном положении. Быстро растущая экономика КНР сопровождается усилением военной мощи и более агрессивной региональной политикой, о чем ярко свидетельствует недавний спор с Филиппинами из-за группы островов в Южно-Китайском море. Китай более чем удвоил военные расходы за последние 6 лет. И хотя Китаю нет прямой угрозы в эру окончания холодной войны, Пекин, как и многие другие, считает, что ситуация в сфере безопасности может быстро измениться. Эксперты предупреждают, что баланс сил в Азии может сложиться таким образом, что будет представлять прямую угрозу России. Будущее Дальневосточного региона России зависит от ее отношений с Китаем в силу гигантской протяженности границы между двумя странами и огромной численности китайского населения. Россия должна воздержаться от продажи оружия КНР.

По оценкам специалистов, поставки российского оружия Китаю выгодны Москве, но нельзя не учитывать, что Пекин в настоящее время укрепляет свой военный потенциал. Помимо получения из России новейших видов вооружений, включая ракеты земля-воздух", самолеты Су-27, МиГ-311 и подлодки класса "Кило", в начале XXI века Китай начнет строительство собственных авианосцев, воздушных систем раннего оповещения ПВО и развернет "силы быстрого реагирования" в Южно-Китайском море. Его военный бюджет постоянно растет. По данным газеты "Вашингтон пост", ссылающейся на ЦРУ и разведывательное управление минобороны, Пекин обладает пока наименьшим из объявленных ядерными державами потенциалом, но все же насчитывающим 250-300 ядерных боеголовок.

Несмотря на широко декларируемые сокращения численности вооруженных сил КНР, китайская армия продолжает оставаться крупнейшей в мире: она насчитывает, по оценкам Пентагона, 3,2 млн. человек, причем 2,3 млн. - это сухопутные войска.

Сегодня, в то время как Россия по-прежнему пользуется достаточно сильными военными и экономическими рычагами воздействия, Китай готовится бросить главный вызов влиянию Москвы в регионе.

Тем не менее в целом политические и экономические отношения между Россией и КНР быстро развиваются. Китай становится быстро растущим рынком, что может послужить одним из наиболее важных стимулов экономического возрождения Сибири и Дальнего Востока.

Что касается отношений России с Японией, то американские специалисты считают, что зашедший в тупик политический диалог о Южно-Курильских островах серьезно мешает Москве улучшить деловые отношения с Токио.

Южные Курилы имеют большое стратегическое значение для двух стран. Для России они образуют пояс безопасности между Охотским и Японским морями и

включают ключевые пункты, с которых ведется наблюдение за передвижениями кораблей ВМС из Владивостока и обратно. Для Японии их близость к Хоккайдо позволяет контролировать эти передвижения со своей стороны.

И тем не менее исторически складывавшаяся враждебность должна быть на каком-то этапе преодолена. Какой-то компромисс о будущем островов, возможно, будет найден. В этом случае российское руководство будет тщательно изучать возможности тесного сотрудничества с Японией на межправительственном уровне.

Со своей стороны, правительство Японии, признав наличие территориальной проблемы в отношениях между двумя странами, подтвердило, что "Япония предлагает помочь России, исходя из того, что мир и стабильность в РФ имеют огромное значение".

В Токио, как и в Москве, озабочены проблемой безопасности в регионе. Высокопоставленный представитель правящих кругов Японии Н. Мурата заявил: "Япония рассматривает стабилизацию и улучшение ситуации в АТР как исключительно важную задачу. В этом контексте обеспечение безопасности в АТР в той степени, в какой это касается России, также исключительно актуально, и мы рассматриваем эту соседнюю страну, обладающую огромной военной мощью, как великую державу. И мы считаем необходимым развивать с ней контакты для того, чтобы укрепить взаимное доверие и безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В отношении России и Корейского полуострова, Ергин и Густафсон в своей книге пишут: "Внешнеполитические интересы России в Азии будут вращаться вокруг треугольника, включающего трех сильных игроков - Китай, Японию и Россию. Возможный четвертый игрок - воссоединенная Корея - могла бы превратить этот треугольник в четырехугольник. В дополнение, Соединенные Штаты будут оставаться важным игроком в регионе". По их мнению, улучшение отношений между Сеулом и Пхеньяном пойдет на пользу интересам России. Москва будет сотрудничать с КНДР и Республикой Корея главным образом потому, что обе страны являются, тесными соседями России на Дальнем Востоке.

Корейский полуостров является уникальным. Это место, где пересекаются стратегические интересы Китая, Японии и России и где США продолжают держать 37 тыс. военнослужащих как фактор сдерживания на случай новой войны. Недопущение ядерного вооружения Севера или его хаотичный распад могут быть предотвращены только посредством укрепления регионального фактора сдерживания.

Быстрый рост экономики стран АТР делает этот регион одним из приоритетных направлений внешней политики России.

Таким образом, важнейшими и центральными государствами региона являются Россия, Китай, Япония и США. Их влияние на развитие региональных процессов видоизменяется в зависимости от политического, экономического и военного потенциала АТР. Однако ни одна из держав в принципе не способна претендовать на доминирующую роль в регионе. В АТР нет предпосылок для создания военно-политической организации типа НАТО и такая возможность не предвидится в ближайшем будущем.

Россия как евразийская держава не должна оставаться в стороне от перемен, происходящих в АТР. Главными задачами дипломатии Москвы, по-видимому, должны стать присоединение к интеграционным процессам в регионе, устранение источников напряженности и укрепление основ стабильности и добрососедства в этом регионе. Москва предпринимает настойчивые усилия вступить в региональные организации. Открылись ворота для присоединения РФ к

Тихоокеанскому экономическому совету и Совету тихоокеанского сотрудничества. РФ станет полноправным членом еще одной влиятельной региональной организации - Организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества.

Россия начинает осознавать изменения в своем статусе в geopolитической расстановке сил в регионе: она не может классифицироваться сейчас как сверхдержава, поскольку у нее нет для этого политических, экономических и военных ресурсов. По этой же причине страна не в состоянии проводить глобальную внешнюю политику, схожую с той, которую проводил СССР, и нести ответственность за глобальную международную безопасность. Сейчас в ее внешней политике начинает преобладать более реалистический подход, ориентирующийся на проблемы, затрагивающие ситуацию в России в частности, и в постсоветском пространстве в целом, а также в "дальнем зарубежье".

Россия стремится к сотрудничеству со всеми государствами АТР и предполагает создать в регионе систему коллективной безопасности по образцу европейской, что позволит вести постоянный диалог по вопросам обороны, проблемам нераспространения ядерного оружия.

В то же время приоритетным направлением в настоящее время является развитие двусторонних отношений между государствами региона. В этом смысле роль Китая для России будет очень важной в наступающем веке. Это - наиболее населенная страна мира, один из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающий правом вето; Китай располагает ядерным оружием и межконтинентальными баллистическими ракетами, а также переживает беспрецедентный экономический бум и станет доминирующей экономической державой в начале следующего столетия. Будущее России в XXI веке в значительной мере будет определяться успехами российской дипломатии в азиатском направлении, поскольку XXI век - это век бескрайнего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Вместе с тем, выступая в поддержку создания механизмов диалога с целью укрепления безопасности в АТР, Россия также должна сохранять на соответствующем уровне разумной военной достаточности свой собственный оборонный потенциал как жизненно важный компонент регионального соотношения баланса сил (17).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Между событиями второй половины 40-х годов и настоящим временем явно просматриваются некоторые аналогии.

Несомненно, после окончания холодной войны на мировой арене начался процесс формирования силовой многополярности, иными словами, появилось сразу несколько "игроков", ведущих самостоятельную внешнюю политику. Это и Китай, не скрывающий своих претензий на гегемонию в стратегически важной для США Юго-Восточной Азии, и Япония, откровенно "уставшая" от партнерства с США, выразившегося по большей части в выколачивании Вашингтоном японских денег, и Германия, постепенно и довольно мягко уходящая от роли, навязанной ей США после войны.

Но более всего характерно появление целого ряда средних по величине и совокупной национальной мощи государств, которые в рамках важнейших регионов начинают осуществлять активный передел "сфер влияния" без оглядки на

великие державы. Это, например, Ирак, попытавшийся "проглотить" соседний Кувейт; Иран, несомненно, накапливающий силы для геополитического броска. Не исключено, что в ближайшем будущем таким же образом поведут себя Пакистан и Вьетнам.

Другая важнейшая черта мировой ситуации, перекликающаяся с концом 40-х годов - это нарастание американо-японских и американо-германских разногласий. Они, бесспорно, не достигли накала американо-британских противоречий конца 40-х годов, но тенденция очевидна.

Нельзя также пройти мимо явно возросшего значения геополитических противоречий, борьбы за рынки сбыта и источники сырья, господства на торговых путях. Существует и потенциально серьезное несовпадение экономических интересов России и стран Запада, опасающихся ее появления на мировой арене в будущем в качестве сильного экономического конкурента.

Наконец, несомненен и конфликт между реально существующими геополитическими принципами построения мира, практикой уважения "сфер влияния", интересов безопасности партнеров и идеологизированным подходом, именуемым ныне "новый мировой порядок". Конфликт этот заключается в том, что говоря об "интересах мирового сообщества", все участники "большой игры" на деле преследуют цели своей национальной политики, не стесняясь в выборе средств.

США, на словах выступая за урегулирование боснийского кризиса, сделали на практике все для его затягивания, - и это понятно: нестабильность на Балканах связывает руки Германии и втягивает в кризис Россию.

Такая же ситуация складывается на Корейском полуострове, где действия США уже давно не укладываются в рамки борьбы только за нераспространение ядерного оружия.

Но самое главное то, что Россия, как и СССР во второй половине 40-х годов, стоит перед теми же альтернативами и соблазнами, а следовательно необходимо сделать все, чтобы избежать имевших место в прошлом ошибок. Две из них представляются наиболее важными.

Во-первых, это переоценка остроты противоречий в лагере западных демократий и попытка за счет игры на них решить проблемы расширения своей "сферы влияния".

Во-вторых - попытка модернизации экономики за счет внешних источников. Это делает внутреннюю политику жестко зависимой от внешнеполитической конъюнктуры, ухудшение которой приводит к кризису режима.

Кроме того, список таких ловушек можно продолжать довольно долго. Это и втягивание в бессмысленную конфронтацию на Среднем Востоке, в таджикско-афганской зоне; и синдром "стратегического приоритета", т.е. стремление к равному партнерству с США во всех вопросах; и открыто афишируемое желание участвовать в новом разделе Восточной Европы на "сферах влияния" и т.д.

Сможет ли Россия избежать этих ошибок и тем самым новой холодной войны? Или же она окажется перед выбором: либо "модель Сталина", т.е. геополитический "удар в пустоту" с последующим формированием единого антироссийского фронта, либо "модель Николая II", т.е. вполне здравое стремление остаться в стороне от борьбы за передел мира, на практике выразившееся в неготовности к активным и реалистичным действиям в защиту своих интересов.

Итак, контуры геополитической игры конца XX столетия начинают постепенно проясняться, и, вероятнее всего, Россия не сможет остаться в стороне от "большой игры", которая будет проходить непосредственно у её границ. А в целом, схожесть сегодняшней ситуации с той, что сложилась 45 лет назад,

фактически означает, что суть рассматривавшейся нами геополитической коллизии сохранилась (4).

ЛИТЕРАТУРА

1. Предпринимательство 1996г. № В. Потехин "Геополитическое положение славян в современном мире", с. 70-79
2. Ориентир 1997, №3 А. Дугин "Евразия для России - не выбор, а судьба...", с. 64-68
3. США-ЭПИ 1994, №8-9 В. И. Батюк, Д. Г. Евстафьев "Геополитический контекст начала второй мировой войны" (статья первая), с. 88-97
4. США-ЭПИ 1994, №10 В. И. Батюк, Д. Г. Евстафьев "Геополитический контекст начала второй мировой войны" (статья вторая), с. 95-104
5. США-ЭПИ 1996, №11 В. П. Гладков "Россия-США: есть ли выход из тупика?", с. 3-5
6. США-ЭПИ 1996, №11 В. Л. Фролов "Возможные модели современных отношений США и России", с. 40-53
7. США-ЭПИ 1997, №3 С. М. Самуилов "О некоторых американских стереотипах в отношении Украины", с. 84-96
8. США-ЭПИ 1994, №8-9 И. Л. Прохоренко "Межгосударственные и межнациональные конфликты на территории бывшего СССР" (взгляд зарубежных ученых), с. 65-75
9. Ежемесячный информационный бюллетень 1997, №2 Об экономическом, научно-техническом и военном потенциале государств-участников СНГ и технических средствах его выявления с. 7-15
10. Ориентир 1995, №12 Н. Ефимов "Откуда исходит угроза России?", с. 4-11
11. США-ЭПИ 1996, №9 Шерил Кросс "Вопрос о расширении НАТО: в поисках оптимального решения", с. 47-58
12. США-ЭПИ 1997, №2 Ю. Н. Рахманинов "Некоторые соображения о расширении НАТО", с. 56-60
13. США-ЭПИ 1997, №2 Т. А. Шаклеина "Концепция "нового атлантического сообщества" и безопасность России", с. 30-39
14. Независимое военное обозрение 1997, 5-11 июля И. Кобринская "После Мадрида: Россия в новой геополитической ситуации", с. 1,4
15. Ориентир 1997, №4 В. К. Темкин "НАТО у границ России", с. 12-15
16. США-ЭПИ 1996, №11 С. М. Рогов "Российско-американские отношения: итоги и перспективы", с. 6-27
17. США-ЭПИ 1996, №9 В. Н. Матяш "О месте и роли России в АТР на рубеже столетий", с. 31-46

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Геополитическая структура мира	4
Основные противоречия послевоенного мира	5
Геополитический контекст начала холодной войны	11
Однополюсный мир: российско-американские отношения	13
Межгосударственные и межнациональные конфликты	16
Положение России в Кавказском регионе	19
Исламский фундаментализм	20
Расширение НАТО на восток	23
Место и роль России в Азиатско-Тихоокеанском регионе	29
Заключение	32
Литература	34

